

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Членовредительские наказания в Московском государстве XVI–XVII вв. по свидетельствам современников-европейцев

А.А. РОЖНОВ – доцент кафедры уголовного права и криминологии Ульяновского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

В статье на основе сведений, содержащихся в иностранных сочинениях о России XVI–XVII вв., дается характеристика правового регулирования и практики применения в Московском государстве членовредительских наказаний в виде клеймения и изувечения. Рассматриваются такие аспекты, как виды, формы и некоторые особенности применения данных наказаний.

Ключевые слова: Московское государство XVI–XVII вв.; история отечественного уголовного права; уголовные наказания; членовредительство; клеймение; изувечивающие наказания; свидетельства иностранцев.

Важное место в кругу уголовно-правовых вопросов, нашедших отражение в сочинениях о Московском государстве XVI–XVII вв. современников-европейцев, занимают телесные наказания. И с точки зрения перечня преступлений, за которые они назначались, и в плане их разновидностей русская уголовная политика отличалась, порой весьма серьезно, от европейской, что неизбежно порождало у иностранцев естественный интерес и стремление поведать «городу и миру» о своеобразных правовых традициях загадочной Московии¹. Упоминаемые в иностранных сочинениях о Московском государстве телесные наказания, которые должны были налагаться на виновного «согласно характеру преступления» (австриец Герберштейн)², подразделялись на болезненные и членовредительские. Болезненные представляли собой битье преступника кнутом, батогами или плетью, а членовредительские выражались в клеймении или изувечении.

О клеймении осужденных свидетельствуют всего трое иностранцев, а именно англичане Ченслер и Адамс и немец Нейгебауэр, причем их сообщения на этот счет абсолютно идентичны и одновременно крайне скупы. Все они отмечают два обстоятельства: во-первых, данное наказание выражалось в наложении клейма на лоб осужденного, а во-вторых, клеймению подвергались воры, совершившие кражу во второй раз. Относительно же того, каков был

рисунок клейма и каким образом оно выжигалось, иноземцы молчат³. Можно предположить, что преступникам ставились различные клейма, поскольку лишь в первой половине XVII в. был четко определен единообразный рисунок для разбойников и воров. Согласно Указу от 19 мая 1637 г. разбойникам на правую щеку наносилась буква «Р», на лоб – «З», на левую щеку – «Б», а вора («татям») ставились соответственно буквы «Т», «А» и «Г»⁴.

Сопоставление иностранных свидетельств о клеймении преступников, относящихся к периоду с середины XVI в. по начало XVII в., с положениями русских памятников права выявляет некоторые любопытные особенности правового регулирования применения рассматриваемого наказания.

Впервые оно было законодательно закреплено в Двинской уставной грамоте 1397–1398 г.⁵, ст. 5 которой наряду с прочими наказаниями для татей предусматривала клеймение. При этом бросается в глаза то, что закон не делал никаких различий между ворами, совершившими кражу впервые и повторно, категорически предписывая «тата всякого пятнити». Однако судебная практика по «татейным» делам, по всей видимости, была не столь жесткой, как закон, коль скоро, по утверждению иностранцев, воров клеймили лишь в случае вторичного совершения преступления.

Есть и еще один любопытный момент. Ни в Судебнике 1550 г.⁶, ни в губных грамотах се-

редины XVI в., например Губном наказе селам Кириллова монастыря от 27 сентября 1549 г.⁷ или Медынском губном наказе от 25 августа 1555 г.⁸, ни в уставных книгах Разбойного приказа 1555–1556 гг. и 1616–1617 г.⁹, – а все они, безусловно, являлись ключевыми уголовно-правовыми актами эпохи – не встречается упоминание о наказании в виде клеймения. Почему же тогда оно применялось? На наш взгляд, возможны несколько вариантов ответа на этот вопрос:

1) норма о клеймении воров, введенная в отечественную уголовную практику Двинской уставной грамотой и в дальнейшем распространенная на всю территорию страны, не была отменена последующими законами и продолжала оставаться в силе, даже несмотря на то, что в новых законодательных источниках такого наказания не было;

2) после издания Двинской уставной грамоты был принят некий общероссийский закон, действовавший параллельно с Судебником и другими нормативными правовыми актами, который назначал клеймение в качестве дополнительной карательной меры к основным наказаниям воров;

3) судьи приговаривали татей к клеймению в рамках имевшейся у них свободы судейского усмотрения, разрешавшей им отступать от буквы закона и избирать виновному такое наказание, которое, помимо прочего, было бы целесообразным в плане защиты общественных интересов. Клеймение же вора, вновь совершившего кражу и тем самым подтвердившего свои криминальные наклонности, несомненно, являлось важным средством профилактики преступлений, поскольку выделяло потенциально опасного субъекта из общей массы людей и тем самым в какой-то мере препятствовало возобновлению им преступной деятельности.

Кроме вышеприведенных однозначных иностранных свидетельств о «пятнании» воров указание на клеймение преступников можно усмотреть и в словах нидерландца Витсена о том, что «за разные преступления... разрезают щеки или лоб»¹⁰. Подобные наказания, в отличие от членовредительства в узком смысле слова, не лишали осужденного частей тела или органов, но уродовали его лицо, что, естественно, привлекало к нему внимание окружающих, предупреждая их об исходящей от него угрозе.

Если клеймение преступников почти не упоминается в иностранных сочинениях о Московском государстве, то с изувечивающими наказаниями дело обстоит совершенно иначе. Заморские гости довольно часто называют различные их виды, что указывает на активное использование этих наказаний в отечественной судебной практике анализируемого периода. Например, информируя своих читателей о том, что «тем, кто употребляют нюхательный табак, вырывают ноздри», нидерландец Койэтт также

добавляет, что наказанных таким образом табачников «в Московии можно встретить много»¹¹. Свидетельства иностранцев о нередком лишении преступников тех или иных органов или частей тела находят подтверждение и в нормативных правовых актах, прежде всего в законодательстве XVII в., в том числе в Уложении 1649 г.¹² (III, 4, 5, 9; VII, 29; X, 12 и др.) и в судебных приговорах¹³.

В записках иностранцев о Московском государстве встречаются следующие виды изувечивающих наказаний:

1) отрезание носа за повторную кражу (Ченслер, Адамс)¹⁴ и, возможно, за другие преступления (Витсен)¹⁵;

2) «порка» (вырывание) ноздрей за торговлю табаком и его употребление (немец Олеарий, Витсен)¹⁶;

3) лишение глаза (Витсен)¹⁷;

4) отрезание уха за кражу (Олеарий, швед Седерберг)¹⁸ и, возможно, за другие преступления (Витсен)¹⁹;

5) вырезание или урезание языка (Витсен)²⁰. О процедуре данного наказания можно отчасти судить по сообщению шведа де Родеса. Из его слов можно заключить, что, во-первых, экзекуция могла производиться публично, в частности на большом рынке, а во-вторых, распорядившееся наказанием лицо должно было убедиться в том, что осужденный более не способен членораздельно разговаривать²¹;

6) отрубание руки за вторую кражу (поляк Немоевский)²²;

7) отрубание одной или обеих рук за церковную татьбу (англичанин Коллинс)²³ и за описку в титуле государя (Витсен)²⁴;

8) отрубание кистей (нидерландец Стрейс)²⁵;

9) отрубание нескольких пальцев на руке за пособничество самозванцу (Олеарий)²⁶;

10) лишение половых органов за прелюбодеяние и блуд. Это наказание, выделяемое Стрейсом из всех прочих как «особо примечательное» и, надо полагать, крайне редко применявшееся на практике, состояло в том, что «виновника лишают одновременно причины и орудия его похоти, которое кладут на колоду и отрубают со всем к нему относящимся. Ему позволяют залечить эту большую и тяжелую рану, но подобные капли редко жиреют»²⁷;

11) отрубание ног (Стрейс)²⁸.

Помимо вышеперечисленных в работах иностранцев упоминаются и такие комбинированные виды изувечивающих наказаний, как:

1) отрезание носа и ушей и выкалывание глаз за заговор против государя (Коллинс)²⁹;

2) вырезание ноздрей и обрезание ушей за бунт. По свидетельству немца Корба, данное наказание было применено к 500 участникам стрелецкого бунта в порядке замены смертной казни, принимая во внимание их возраст и «из сожаления к их молодости, а также имея в виду незрелость их понятий»³⁰;

3) отрубание правой руки и отрезание носа за истязание с нанесением увечий (датчанин Роде)³¹;

4) отрубание правой руки и отрезание обеих ушей за нанесение побоев (Роде)³²;

5) отрубание руки и отрезание языка за угрозы в адрес бояр в связи с резким повышением цен на продукты питания и предметы первой необходимости (австриец Мейерберг)³³;

6) отрубание правой руки и левой ноги (ступни) за стрельбу на Государевом дворе (Коллинс, Витсен)³⁴.

Отмеченный иностранцами случай, когда «один удалец выстрелил по скворцу на царском дворе, но пуля скользнула и упала в царские покои», а также наказание за содеянное весьма любопытны, поскольку подобный казус не нашел отражения в гл. III Уложения, специально регламентировавшей поведение на территории государева двора. В законе говорится об ответственности лишь за два рода действий: во-первых, за само по себе ношение оружия на царском дворе, «хотя и не для стрельбы», если виновный «из того оружия никого не ранит и не убьет» – за это полагалось наказание в виде битья батогами и недельного тюремного заключения (III, 7); а во-вторых, за убийство или ранение кого-либо в результате стрельбы на государевом дворе – и то, и другое каралось смертной казнью (III, 6). Действия же, представляющие собой нечто среднее между названными правонарушениями, почему-то выпали из поля зрения законодателя. В итоге когда произошел описанный инцидент, законодательный пробел пришлось устранять суду, и вынесенный им приговор, на наш взгляд, был вполне логичным. С одной стороны, виновный не просто в нарушение запрета носил оружие на царском дворе, но и выстрелил из него. Следовательно, предусмотренное ст. 7 гл. III Уложения наказание к нему неприменимо в силу его недостаточной строгости. С другой стороны, произведенным выстрелом «ослушник» никого не ранил и тем более не убил, а потому и казнить его, как того требует закон, нельзя. В то же время, коль скоро пуля попала в царские покои, а значит, в принципе могла причинить вред самому государю, наказание для стрелка должно быть максимально суровым и назидательным. Исходя из этих соображений и, кроме того, руководствуясь принципом талиона, вероятно, суд и принял решение об отсечении преступнику руки и ступни, чтобы он впредь не ходил, где не следует и не стрелял, где не положено, «да и прочие страх примут на таковая не дерзати»³⁵;

7) перелом обеих ног и одной руки и отрубание другой руки за намерение иностранца, несколько лет служившего в Московском государстве в должности учителя артиллерии и осведомленного о расположении всех русских укреплений, побывать на Родине (чех Таннер)³⁶. Впрочем, нам кажется маловероятным, чтобы столь суровое наказание (если, конечно, оно

действительно имело место) было назначено за один лишь голый умысел. Скорее всего, немец, о котором рассказывает Таннер, был наказан за что-то гораздо более серьезное, чем просто желание съездить домой, например за попытку взять с собой какие-нибудь важные военные чертежи. Чех же об этом либо не знал, либо сознательно скрывал этот факт, чтобы убедить своих иностранных читателей в том, что жестокость наказания была обусловлена исключительно «немилосердной злобой к иноземцам» со стороны русских.

Важной особенностью исполнения таких изувечивающих наказаний, как отрубание руки или пальцев на руке, являлось то, что вместо правой руки или пальцев на правой руке, которые надлежало отсечь согласно приговору, виновному иногда в порядке помилования отрубали левую руку или пальцы на левой руке. Делалось это из религиозных соображений, а именно для того, чтобы не лишать осужденного возможности совершать крестное знамение. При этом милосердие могло быть проявлено в отношении не только православного, но и иноверца (Олеарий, Таннер)³⁷.

Изувечивающие наказания применялись как самостоятельно, так и вместе с другими наказаниями, как правило, с битьем кнутом и ссылкой. Например, по утверждению Олеария, наказание вора выглядело так: если тать «провинился в первый раз, то его бьют кнутом по дороге из Кремля на большую площадь; здесь палач отрезает ему одно ухо, и его на два года сажают в башню, а затем выпускают. Если он пойман будет вторично, то ему по вышеуказанному способу отрезают и второе ухо, а затем его уводят на прежнее пристанище, где его держат до тех пор, пока подобных личностей не наберется больше; потом их всех вместе отправляют в Сибирь»³⁸. Описанные немцем наказания за татьбу в основном совпадали с теми санкциями, которые были установлены Уложением за кражу, совершенную впервые и повторно (XXI, 9, 10). Схожий порядок, видимо, действовал и более полувека спустя, несмотря на то что после издания Уложения нормы об ответственности за татьбу несколько раз менялись. По крайней мере, об этом можно судить по следующему сообщению Седерберга: «За воровство менее двух риксдалеров виновного казнят, растянувши навзничь и держа за голову и за ноги, чтобы он не мог шевелиться (то есть бьют батогами. – А.Р.). Более значительная кража, учиненная в первый раз, и когда вор не может возратить покраденное, наказывается кнутом (knut), и палач отрезает преступнику правое ухо, потом его сажают в острог на два года на хлеб и воду, затем уже освобождают. Если же покраденное возвращается вором, то его сажают в темницу только на один год. Но если вор будет пойман вторично с подобной значительной кражей, то его опять секут кнутом, как в первый раз, он лишится ос-

тального уха, и его засаживают в темницу, пока не представится случай послать в Сибирь, где он осужден оставаться до самой смерти»³⁹. Впрочем, не стоит исключать того, что, ознакомившись по возвращении домой с широко известным произведением Олеария, швед просто воспроизвел в своих заметках о пребывании в России соответствующий фрагмент, внося в него от себя незначительные правки.

Затронув проблему наказуемости кражи, нельзя не обратиться к свидетельствам Ченслера и Адамса о том, что за первую кражу вора сажали в тюрьму и секли, за вторую – клеймили лоб и отрезали нос, а за третью – вешали⁴⁰. В словах иностранцев обращают на себя внимание два момента.

Во-первых, утверждения англичан в целом подкрепляются нормами губного законодательства середины XVI в., в частности ст. 11 Медынского губного наказа и ст. 38–40 Второй указной книги Разбойного приказа. Разница заключается лишь в том, что акты губного права назначали за вторую кражу не отрезание носа и клеймение лба, а отсечение руки. Трудно однозначно сказать, чем было вызвано явное несоответствие между законом и судебной практикой. Возможно, суды исходили из того, что главным в наказании вора-рецидивиста было его «обозначение», выделение из массы законопослушных граждан, а способ, посредством которого это достигалось, будь то отрубание руки, отрезание носа, «пятнание» или какой-либо другой, не имел определяющего значения. Да и сам законодатель, как показывает анализ нормативных правовых актов второй половины XVI – XVII вв., хотя и был также убежден в том, что воров необходимо «метить», тем не менее постоянно колебался в избрании для них членовредительских наказаний.

Во-вторых, нормы губного законодательства, каравшие смертной казнью лишь за третью татьбу, а за вторую предусматривавшие членовредительское наказание, противоречили ст. 56 Судебника 1550 г., равно как и лежавшей в ее основе ст. 11 Судебника 1497 г.⁴¹, предписывавшим казнить вора уже за вторую кражу. Почему же судьи ориентировались не на судебники, а на губные законы? Можно предложить два варианта ответа на этот вопрос. С одной стороны, судьи могли принимать решения, говоря современным языком, согласно правилу о конкуренции между общей и специальной нормами. Поскольку судебники представляли собой, по сути, своды законов, регулировавшие отношения не только в уголовной сфере, но и в других областях жизни, а акты губного права были специально посвящены борьбе с кражами и разбоями, то именно губные нормы должны были иметь приоритет перед нормами судебныхников. На это, между прочим, указывал и сам Судебник 1550 г. В ст. 60, регламентировавшей деятельность органов юстиции на местах, было четко закреплено,

что губные старосты должны были судить татей «по царевым великаго князя губным грамотам, как в них написано». С другой стороны, выбор судей в пользу норм губного законодательства мог быть обусловлен принципом гуманизма или, по словам Адамса, «законом милосердия». Имея две конкурирующие нормы, судьи отдавали предпочтение той из них, санкция которой была более мягкой.

Кстати, Великокняжеский и Царский судебники так и остались самыми суровыми законами в отношении татей, ибо ни один последующий закон не назначал смертную казнь за вторую кражу. Более того, даже императивное требование закона о высшей мере наказания за троекратную татьбу, возможно, не всегда соблюдалось судами, поскольку, как отмечает Немоевский, за третью кражу вора вешали лишь «при условии, если от этой кражи пострадала в чем-либо казна великаго князя; если кто другой, вознаграждают одним кнутом»⁴².

Определяя преступникам изувечивающие наказания, законодатель и судьи нередко руководствовались принципом талиона, который, по свидетельствам иностранцев, реализовывался в двух формах.

Чаще всего он выражался в обращении карательного воздействия на ту часть тела виновного, которой было совершено преступление. В частности, вора́м отрубали руку, курильщикам табака «пороли» ноздри, а произносившим «неистовые речи» урезали язык. Подобный подход полностью разделял Коллинс, убежденный в том, что «нет закона справедливее того, который повелевает, чтобы умирали от того, чем убивают»⁴³. Отсеченные части тела в целях общей превенции затем могли быть выставлены напоказ. Например, прежде чем сжечь поляка, который в пьяном виде трижды выстрелил в образ Богородицы у Сретенских ворот, ему вначале отрубили на плахе обе руки и прибили их к стене под образом, в отношении которого было учинено злодейство (немцы Буссов, Бер)⁴⁴.

Другая форма талиона заключалась в том, что виновный мог быть лишен того органа, которого он лишил потерпевшего. Во второй половине XVII в. названное наказание опиралось на норму Уложения о том, что если лицо «отсечет руку или ногу, или нос, или ухо, или губы обрежет, или глаз выколет», то «за такое его наругательство» надлежит «самому ему то же учинити» (XXII, 10). Впрочем, комментируя данную статью Уложения, Н.Д. Сергеевский замечает, что «это наказание, можно думать, весьма редко применялось на практике», поскольку «ни в одном известном нам памятнике XVII века мы не нашли указаний хотя бы на один случай применения этой статьи»⁴⁵.

Однако как минимум один такой случай все-таки был: за то, что преступница отрезала своей жертве нос, ее саму приговорили, помимо прочего, к отрезанию носа (Роде)⁴⁶. Очевидно, что

это наказание виновной базировалось не на чем ином, как на принципе «око за око, зуб за зуб». Возможно, рассматриваемую форму талиона также имел в виду Витсен, заявляющий, что «за разные преступления лишают человека глаза, носа или уха»⁴⁷. Правда, утверждение нидерландца, откровенно говоря, довольно неоднозначное, поэтому нельзя исключать того, что на самом деле он хотел сказать что-то другое.

Иногда наказание виновного могло объединять в себе обе формы талиона. В качестве примера можно привести уже упомянутое происшествие, зафиксированное в дневнике Роде. Оно, кстати, настолько интересно, что его описание стоит воспроизвести целиком. По словам датчанина, вечером 14 апреля 1659 г. в Немецкой слободе «произошло нечто неслыханное между супругой какого-то генерал-майора и ее служанкой, а именно следующее: генеральша эта, родом англичанка, весьма распутная дама с наглыми чертами лица, расправилась со своей служанкой, которая не хотела уступить своей хозяйке по части распутства или, по крайней мере, до известной степени подражала ей. Генеральша позвала четырех людей, приказала им повалить служанку на пол, отрезала ей лично половые органы, натерла ей нос отрезанными частями, отрезала ей затем и нос и выбросила, наконец, и то и другое в окно. После этого она велела перевернуть служанку на живот и разрешила ей ножом спину наподобие того, как обыкновенно режут рыбу». На допросе задержанная «не только созналась в своем злодеянии, но даже выразила сожаление, что она с этой развратницей не поступила еще более жестоко. Отсюда ее отправили в какой-то монастырь и затем наводили справки в приказных делах о том, было ли совершено когда-либо в Москве подобное злодеяние. Когда же оказалось, что ничего подобного никогда не случалось, то великий князь, говорят, сам вынес ей приговор и, принимая во внимание, что потерпевшая женщина осталась в живых, повелел отрубить генеральше правую руку, отрезать ей нос и сослать в Сибирь».

Какие выводы можно сделать из сообщения Роде?

Во-первых, в наказании генеральши получил яркое воплощение принцип талиона. С одной стороны, если бы она убила свою служанку, то ее вполне могла бы ожидать высшая мера наказания в силу ст. 72 гл. XXI Уложения, согласно которой «а кого кто убьет с умышления, и сыщется про то допряма, что с умышления убил: и такова убийцу казнити смертию». Но коль скоро этого не произошло, то и казнить виновную за содеянное было нельзя. С другой стороны, за то, что преступница лишила потерпевшую носа, она сама должна была лишиться этой же части тела. Ну а поскольку все те увечья, которые генеральша нанесла служанке – отрезание половых органов и носа, разрезание спины, – она причинила рукой, то именно «виновная» рука и должна была

понести наказание. Впрочем, следует признать, что в приговоре генеральше принцип талиона не был реализован на все 100%, так как виновную все-таки не лишили половых органов и не разрезали ей спину.

Во-вторых, чрезвычайно важную, если не ключевую роль в принятии решений по конкретным судебным делам, по всей вероятности, играли прецеденты. При отсутствии таковых спорные дела могли передаваться на рассмотрение вышестоящих судебных инстанций, которые выносили приговоры на основании буквы и духа закона и (или) иных источников права.

Наконец, сам факт того, что такого хладнокровного изуверства, которое имело место в Немецкой слободе, среди русских не было известно, является еще одним красноречивым доказательством откровенной лживости обвинений в дикости, грубости и жестокости, которые лицемерно предъявляют нашим предкам рядящиеся в тогу «цивилизованности», «гуманизма» и «просвещенности» многие их современники-европейцы.

В завершение следует отметить, что сочинения современников-европейцев о Московском государстве являются одним из важнейших источников, без изучения которого немыслимо полноценное исследование уголовного права России. Обращение к ним, с одной стороны, позволяет существенно расширить и углубить представления об уголовном праве московского периода, сформированные на основе анализа соответствующих отечественных актов. С другой же стороны, в работах иностранцев, непосредственно побывавших в России или писавших о ней со слов других путешественников, нередко содержатся сведения, которые по тем или иным причинам отсутствуют в русских юридических и исторических документах. Поэтому ознакомление с ними дает возможность получить новые знания о развитии норм и институтов уголовного права в указанную эпоху.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Несмотря на то, что все иностранцы, а вслед за ними, к сожалению, и многие отечественные авторы, пишущие на исторические темы, называют нашу страну Московией, а ее жителей москвитами (хотя Парижия или Мадридия звучит нелепо, не правда ли?), мы будем в дальнейшем называть их так, как они на самом деле назывались (в частности, в Уложении 1649 г.), – Московское государство, Россия и русские.

² См.: Герберштейн С. Московия. М., 2007. С. 183.

³ См.: Ченслер Р. Книга о великом и могущественном царе России и князе Московском // Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. Смоленск, 2003. С. 452; Адамс К. Английское путешествие к москвитам. Первое путешествие англичан в Россию, в 1553 году // Журнал Министерства народного просвещения. 1838. № 10. С. 60; Сергеевский Н.Д. Наказание в русском праве XVII века. СПб., 1887. С. 145.

⁴ См.: Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века: Тексты. Л., 1986 (далее – ЗА). № 243.

⁵ См.: Российское законодательство X–XX веков. М., 1985. Т. 2 (далее – РЗ). С. 181–182.

⁶ См.: РЗ. С. 97–120.

- ⁷ См.: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою Экспедициею Императорской Академии Наук. СПб., 1836 (далее – ААЭ). Т. 1. № 224.
- ⁸ См.: РЗ. С. 218–223.
- ⁹ См.: ЗА. № 6, 7, 10, 16, 80.
- ¹⁰ Витсен Н. Путешествие в Московию. 1664–1665: Дневник. СПб., 1996. С. 133.
- ¹¹ Койэтт Б. Посольство Кунраада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу. Рязань, 2008. С. 498.
- ¹² См.: Полное собрание законов Российской Империи, с 1649 года. СПб., 1830. Т. 1. № 1.
- ¹³ См., напр.: Грамота псковскому воеводе от 26 февраля 1651 г. // ААЭ. Т. 4. № 51; Отписка соликамского воеводы от 25 сентября 1689 г. // Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. СПб., 1872. Т. 12. № 56.
- ¹⁴ См.: Ченслер Р. Книга о великом и могущественном царе России и князе Московском. С. 452; Адамс К. Английское путешествие к москвитам. Первое путешествие англичан в Россию, в 1553 году. С. 60.
- ¹⁵ См.: Витсен Н. Путешествие в Московию. С. 133.
- ¹⁶ См.: Олеарий А. Описание путешествия в Московию // Россия XVII века. Воспоминания иностранцев. Смоленск, 2003. С. 362, 434; Витсен Н. Путешествие в Московию. С. 133.
- ¹⁷ См.: Витсен Н. Путешествие в Московию. С. 133.
- ¹⁸ См.: Олеарий А. Описание путешествия в Московию. С. 433; Седерберг Г. Заметки о религии и нравах Русскаго народа // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российской при Московском университете. 1873. № 2. С. 26.
- ¹⁹ См.: Витсен Н. Путешествие в Московию. С. 133.
- ²⁰ См.: Там же. С. 132.
- ²¹ См.: Донесения Иоганна де Родеса о России середины XVII в. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Rodes_2/text.phtml?id=2395 (дата обращения: 22.05.2010).
- ²² См.: Немоевский С. Записки Станислава Немоевского (1606–1608) // Записки Станислава Немоевского (1606–1608). Рукопись Жолкевского. Рязань, 2006. С. 193.
- ²³ См.: Роде А. и др. Коллинс С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. Сочинение Самуэля Коллинса, который девять лет провел при Дворе московском и был врачом царя Алексея Михайловича 1667 г. // Утверждение династии. М., 1997. С. 196.
- ²⁴ См.: Витсен Н. Путешествие в Московию. С. 132, 133.
- ²⁵ См.: Котошихин Г.К. и др. Стрейс Я. Третье путешествие по Лифляндии, Московии, Татарии, Персии и другим странам. М., 2000. С. 344.
- ²⁶ См.: Олеарий А. Описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus7/Olearij/text7.phtml?id=1032> (дата обращения: 22.05.2010).
- ²⁷ Стрейс Я. Третье путешествие по Лифляндии, Московии, Татарии, Персии и другим странам. С. 344–345.
- ²⁸ См.: Там же. С. 344.
- ²⁹ См.: Коллинс С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. С. 210.
- ³⁰ См.: Желябужский И. и др. Корб И. Дневник путешествия в Московское государство Игнатия Христофора Гвариента, посла императора Леопольда I к царю и великому князю Петру Алексеевичу в 1698 г., веденный секретарем посольства Иоганном Георгом Корбом // Рождение империи. М., 1997. С. 97.
- ³¹ См.: Роде А. Описание второго посольства в Россию датского посланника Ганса Ольделанда в 1659 году, составленное посольским секретарем Андреем Роде // Утверждение династии. С. 26–27.
- ³² См.: Там же. С. 23–24.
- ³³ См.: Мейерберг А. Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга, члена Императорского придворного совета, и Горация Вильгельма Кальвуччи, кавалера и члена Правительственного совета Нижней Австрии, послов августейшего римского императора Леопольда к царю и великому князю Алексею Михайловичу в 1661 году, описанное самим бароном Мейербергом // Утверждение династии. С. 161.
- ³⁴ См.: Коллинс С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. С. 210; Витсен Н. Путешествие в Московию. С. 133.
- ³⁵ См.: Стоглав 1551 г. Гл. 49 // РЗ. С. 253–402.
- ³⁶ См.: Таннер Б. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 году. М., 1891. С. 86.
- ³⁷ См.: Олеарий А. Описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию; Таннер Б. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 году. С. 86.
- ³⁸ Олеарий А. Описание путешествия в Московию. С. 433.
- ³⁹ Седерберг Г. Заметки о религии и нравах Русскаго народа. С. 26.
- ⁴⁰ См.: Ченслер Р. Книга о великом и могущественном царе России и князе Московском. С. 452; Адамс К. Английское путешествие к москвитам. Первое путешествие англичан в Россию, в 1553 году. С. 60.
- ⁴¹ См.: РЗ. С. 54–62.
- ⁴² Немоевский С. Записки Станислава Немоевского (1606–1608). С. 193.
- ⁴³ Коллинс С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. С. 210.
- ⁴⁴ См.: Елассонский А. и др. Буссов К. Московская хроника. 1584–1613 // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 145; Бер М. Летопись московская, с 1584 года по 1612 // Сказания иностранцев о Дмитрие Самозванце. СПб., 1859. Т. 2. С. 132.
- ⁴⁵ Сергеевский Н.Д. Наказание в русском праве XVII века. С. 132.
- ⁴⁶ См.: Роде А. Описание второго посольства в Россию датского посланника Ганса Ольделанда в 1659 году, составленное посольским секретарем. С. 26–27.
- ⁴⁷ Витсен Н. Путешествие в Московию. С. 133.